

УДК 1(1–87)004(045)

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
В ТЕОРИЯХ Х. АРЕНДТ И Ю. ХАБЕРМАСА**

В статье рассматривается общественное пространство, проблемы его концепции и трансформации. В качестве основных точек отсчета выбраны теории двух авторов – Ханны Арендт и Юргена Хабермаса. В статье рассматриваются сходства и различия между этими теориями, а также их концептуальное взаимодействие. В работе предпринята попытка доказать, что противодействие государства гражданскому обществу, возникающему в условиях трансформации публичного пространства, не вполне оправдано, а публичная сфера, соединяющая эти две сферы, не является автономной.

Ключевые слова: Х.Арендт, демократия, Ю.Хабермас, гражданское тело, публичное пространство, публичная сфера, трансформация публичной сферы.

Для цитирования: Подручный М. В. Проблема трансформации публичного пространства в теориях Х. Арендт и Ю. Хабермаса // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2023. № 2 (275). С. 103–107. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-19.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

**THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF PUBLIC SPACE
IN THE THEORIES OF H. ARENDT AND J. HABERMAS**

The article deals with public space and the problems of its conception and transformation. The theories of two authors – Hannah Arendt and Jürgen Habermas – are chosen as the main points of reference. The article discusses the similarities and differences between these theories, as well as their conceptual interaction. The paper attempts to prove that the opposition of the state to civil society arising in the conditions of transformation of public space is not fully justified, and the public sphere connecting these two spheres is not autonomous.

Keywords: Arendt, democracy, Habermas, civic body, public space, public sphere, transformation of the public sphere.

For citation: Podruchny M. V. The problem of transformation of public space in the theories of H. Arendt and J. Habermas. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2023, no. 2 (275), pp. 103–107. DOI: 10.52065/2520-6885-2023-275-2-19 (In Russian).*

Введение. Процесс социальной модернизации в его институциональном аспекте требует вдумчивой ревизии основных категорий политической эволюции общества. Одним из новаторских подходов последних десятилетий к толкованию легитимности политического господства является коммуникативный подход Ю. Хабермаса. Он считал, что задача публичной политики должна сводиться к достижению общественного согласия путем равноправного диалога при полном исключении обмана и иллюзии. Именно в процессе такого обмена информацией вырабатывается то, что принято называть общественным мнением. Таким образом, в круг социально-политической проблематики вводится теория публичного пространства (публичности, публичной сферы). Концепция публичного пространства Х. Арендт основана на полисной парадигме, в то время как Хабермас анализирует общественность на фоне идеалов Просвещения. Для нас важно сравнить эти разные концепции (публичную сферу Арендт и публичную сферу Хабермаса) и вступить в полемику с их интерпретаторами,

чтобы осмыслить наиболее важные аспекты концепции публичности и дать новые представления для лучшего понимания актуальных общественных проблем.

Основная часть. Общественный разговор, демократия и проблема медиации. В своей работе «Структурная трансформация публичной сферы» (*Strukturwandel der Öffentlichkeit*, 1990) Ю. Хабермас, вслед за Ч. Р. Миллсом, провел различие между публикой и массой. Такое разграничение особенно значимо в следующем отношении: масса, в отличие от публики, пассивна, гораздо реже выражает свое мнение, не будучи автономной от контролирующих институтов. Массы не автономны по отношению к контролирующим органам. Хотя термин «публика» все еще по-прежнему используется, сегодня он ближе по смыслу к термину «масса» или даже тождественен ему. «Общественность» сама по себе относится к населению (значение *publicus* неотделимо от народа, государства, а также от *commons*; с XIV в. во французском и английском языках оно означает «открытость для всеобщего

наблюдения»). Теперь общественность больше не является тем, что можно назвать «твердым телом» (Т. Гоббс), устойчивым гражданским сообществом. У новой общественности нет ни тела, ни места в пространстве. Благодаря технологическим инновациям, меняющим принципы коммуникации, она стала похожа на анонимную массу, рассеянную в разных местах и в непредсказуемые моменты времени.

Здесь и далее понятия общественного пространства и публичного пространства будут употребляться как синонимы. Это отождествление раскрывает существенные политические коннотации – общественный разговор всегда партиципативен в процессах управления, а управление всегда имеет политическую природу. Само общественное пространство рассматривается как политическое в силу происхождения от античного полиса (гр. *πόλις*, город-государство Древней Греции, образовавшийся на основе общины). Появление в публичном пространстве полиса само по себе являлось участием в полисной демократии, публичное утверждение себя в качестве гражданина полиса. Поскольку публичная сфера рассматривается как находящаяся за порогом частной жизни, постольку она с необходимостью сама по себе является политической.

С. Бенхабиб, изучающая политическую философию Х. Арендт, утверждает, что «публичный гражданин сегодня стал безликим говорящим и слушающим в анонимном публичном разговоре» [1, с. 45-46]. Абсолютная анонимность позволяет открыто выражать свое мнение, но, как видно, часто это не используется в должной мере. В публичной сфере возможность избежать ответственности за неуместные высказывания, предоставляемая анонимностью, используется гораздо чаще. Это понимание приводит к конструктивно-критическому взгляду на саму природу публичности в ее хабермасовской трактовке. Действительно ли преобразованная публичная сфера способствует достижению целей демократии? Пространство общественных гражданских дискуссий наполнено гулом пустых голосов. Осмысленное сообщение теряется в анонимном в шуме анонимных мнений и не доходит до адресата. Где граница между публичным разговором, представляющим различные точки зрения, и анонимностью бессодержательного высказывания?

Публичный гражданский разговор – важная часть демократического проекта. «Регулятивный принцип демократии требует автономного представления о публичной сфере как о процессе, который посредством коллективного обсуждения, ведёт к самоуправлению» [2, с. 54]. Совещание само по себе предполагает взаимные отношения слушающего и говорящего, активное участие в разговоре. Оно основано на конструктивности дискуссии, которая должна определить ориентиры

для окончательного решения (точнее, согласия) – иначе дискуссия теряет всякий смысл. Новая аудитория, или массы, не обладает необходимой для обратной связи активностью, поэтому процесс обсуждения (или его имитация) занимает непропорционально много времени и в конечном итоге не дает ожидаемого результата, иными словами, не приводит к какому-то решению. Почему проект в публичной сфере терпит такое фиаско? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратить внимание на проблемы, возникающие в процессе медиации (посредничества в коммуникации). Центральной проблемой медиации является возникновение опосредованной коммуникации как таковой.

Традиционные модели коммуникации были адаптированы к анализу коммуникации, происходящей в реальном физическом пространстве. Она заключается в пристальном рассмотрении мимики, жестов и т. д. собеседников. Если анонимность претендует на сохранение равенства, то распространение средств посредничества устраняет иллюзию равенства. Средства массовой информации предоставляют право на свободу слова всем – но только тем, кто имеет к ней адекватный доступ. Можно утверждать, что публичная сфера классового общества становится публичной сферой массового общества – публичной сферой масс, но в публичном гражданском разговоре, однако, не все массовое общество. Не все граждане имеют доступ к средствам массовой информации, необходимым для участия в публичном разговоре (будь то в силу чисто экономического неравенства или по другим причинам), поэтому публичная сфера не охватывает все «тело гражданского общества».

Другим важным моментом является предполагаемая автономия по отношению к институтам контроля. В этом отношении новая общественность полностью соответствует положению масс, поскольку она не является независимой от контролирующих институтов. Распространение СМИ находится в прямой зависимости от различных экономических и политических факторов в той же степени, что и от институтов, действующих в этих сферах. Поэтому необходимо констатировать что его автономия будет проблематичной хотя бы в силу определенных материальных тенденций.

Здесь мы сталкиваемся с еще одним осложнением – проблемой репрезентации, или политического представительства. Структуры представительства распадаются на множество нематериальных гипотетических массовых субъектов, которые скорее пассивно и бессодержательно участвуют в общественном разговоре.

Каждая новая социальная, культурная, политическая группа представляет свою точку зрения, появляясь на публике или представляя себя другим, рефреймирует себя в качестве общественного достояния. Этот процесс самопрезентации

и артикуляции на публике остается единственным, через который может развиваться образование гражданского воображения. Участие в публичном разговоре (по крайней мере, когда оно не основано на анонимности) приводит к одному из главных принципов политического мышления: политика – это способность увидеть конкретное событие или ситуацию с чужой точки зрения. Без мировоззрения (*Weltanschauung*) вряд ли были бы возможны как публичный разговор, так и сама идея публичной сферы. Научиться смотреть на одно и то же событие с различных точек зрения соответствует процессу обсуждения, пути к консенсусу. Персонифицированная публичная беседа, в которой личность участников не скрыта «плащом» анонимности, с большей вероятностью приведет к согласию (т. е. хотя бы к какому-то результату), чем анонимная дискуссия, не предполагающая никакой ответственности. Личная ответственность обязывает быть содержательным.

Прозрачность коммуникации в демократической жизни. Одним из важнейших аспектов демократического дискурса в аспекте публичности является репрезентация. Этот феномен можно рассматривать как чисто эстетически или чисто политически, так и совмещая обе оптики. Репрезентация создает определенный образ, который появляется на публике; она эквивалентна зрелищу, передающему по своему значению символическое сообщение.

В прошлом это лучше всего проявлялось в королевских ритуалах (в случае монархий), в настоящее время символическое представление можно увидеть в религиозных церемониях.

Сегодня различные формы репрезентации стали в большей степени манипуляциями и (или) инструментами пропаганды, нежели прозрачным средством передачи смысла в том или ином виде отражения. Творческий потенциал коммуникации сводится к «формулам успеха», используемым специалистами по связям с общественностью, бесконечному повторяющемуся воспроизводству образов.

Несмотря на то, что Ю. Хабермас в оценке дефектов массовой коммуникации выступает как иконоборец (*Bilderstürmer*), испытывая фундаментальное недоверие к рукотворным идолам, критику вызывает то, что он уверен в прозрачности коммуникации. Его «концепция коммуникации совершенно безразлична к величию слова или музыки, к риторической силе моделировать мысль». Для Хабермаса коммуникация – это неизбирательно серьезное дело» [3, с. 57].

Хабермас рассматривает коммуникацию как обыденный язык, который является центром демократической жизни. Для него язык – это не средство манипуляции, а форма прозрачной и осмысленной коммуникации. Такой подход вызывает удивление – как и почему так легко

обеспечивается прозрачность коммуникативных процессов? В какой момент они становятся независимыми от силы риторики и других средств воздействия?

Целью демократической жизни является не только чистота языка, но и чистота коммуникации. Поскольку такой результат требует, по крайней мере, утверждения некоторого универсализма, проявления тех или иных нормативных контуров. Универсальная прагматика Ю. Хабермаса утверждает коммуникативную рациональность; эта рациональность не допускает тезиса о том, что риски изменений могут быть больше, чем риски, вызванные сохранением статус-кво.

Концепция публичной сферы Х. Арндт и Ю. Хабермаса. Работы Х. Арндт предлагают два определения публичности. Во-первых, все, что кажется публичным, может быть увидено и услышано всеми и имеет самую широкую огласку. Для нас видимость – это то, что может быть увидено и услышано другими и нами самими. Во-вторых, термин «публичный» обозначает сам мир, в той мере, в какой он является общим для всех нас и отличается от частного пространства, принадлежащего нам лично. Он относится к вещам, сделанным человеком, а также и к делам тех, кто живет вместе в рукотворном мире. Совместная жизнь в мире, по сути, означает, что мир вещей находится среди тех, кто его удерживает, подобно тому, как стол накрывают среди тех, кто за ним сидит; мир, как и всякое «между», одновременно и соединяет, и разделяет. Только в обществе, в этой гибридной сфере, частные интересы приобретают публичное значение. Превращение частных в общественно значимые интересы свидетельствует не только о переходе некоторых частных аспектов в публичную сферу, но и о трансформации самого изменения публичной или социальной сферы (или, скорее, формации).

Если для Х. Арндт современность характеризуется упадком сферы публичности, то для Ю. Хабермаса, напротив, это начало новой трансформации. Поскольку в контексте Просвещения общественность приобретает новые формы, возникает необходимость в новой концептуализации публичной сферы. То, что Х. Арндт понимала как фиксированное общественное пространство (*der öffentliche Raum*), для Ю. Хабермаса становится публичной сферой (публичностью) (*die Öffentlichkeit*). Основой публичной сферы (публичности) является уже не конкретная группа людей, демос, а безличная информация общественного мнения.

«Мы рассматриваем публичную сферу как ту сферу нашей общественной жизни, в которой может формироваться общественное мнение» [3, с. 78-79]. Таким образом, основой публичной сферы является последовательное и целенаправленное

движение к общественному мнению как результату. Общественное мнение для Хабермаса – это гражданский организм, критический потенциал, направленный на резистенцию правящей структуре, или государству.

Таким образом, разницу между теориями общественного пространства Х. Арендт и Хабермаса можно увидеть в том, что концепция публичной сферы Арендт включает в себя два измерения – институциональное и онтологическое, в то время как теория Хабермаса сосредоточена исключительно на социальной сфере и игнорирует онтологическое измерение.

В современную эпоху существует довольно большой разрыв между моделью полиса и моделью модерна. Можно утверждать, что этот разрыв также обозначает теоретическую точку зрения, разделяющую Арендт и Хабермаса. Именно здесь возникает главный вопрос: как публичная сфера становится таковой и возможно ли это без участия государства?

Отношение общества к государству – это то, что неизбежно присуще самому существованию публичной сферы. Однако следует помнить, что публичная сфера была публичной сферой и до трансформации, для которой характерны несколько иные тенденции.

Это хорошо видно на примере зафиксированных Арендт социальных изменений, важнейший переломный момент которых можно отметить в эпоху Нового времени. Важно отметить, что с изменением общества менялись и многие детерминанты, определяющие состав государств. Как пишет Арендт: «...поскольку законы статистики совершенно справедливы там, где мы имеем дело с большими числами, ясно, что каждый раз, когда население увеличивается ... значимость этих законов возрастает, а “отклонение” становится все менее и менее важным». [3, с. 45]. Следуя идее Арендт, можно сказать, что формы политизации, преобладавшие в полисе, трансформировались в ходе социальных изменений в формы социальности. Как публичная сфера трансформируется в общественную, так и политическое трансформируется в социальность и занимает место первой, затмевая ее в своем процветании.

Социальная сфера характеризуется «зажатостью» между публичной и приватной сферами и тем самым знаменует собой некий определенный вход частной жизни в публичную сферу, и наоборот. В условиях перехода к Новому времени разделение на публичное и частное стирается, домашние дела все чаще переставали оставаться за дверью общественного гражданского обсуждения. Бытовые вопросы стали приобретать публичный статус домашних дел, тем самым наполняя публичную сферу нехарактерными для нее ранее объектами обсуждения.

Таким образом, изменился сам статус общественных дел, одновременно показав снижение их значимости. Поскольку то, что долгое время было частным, стало публичным, публичная сфера нуждалась в изменении, и это изменившееся состояние можно назвать «публичностью». Публичность становится отдельным игроком в триаде (общество – публичная сфера – государство).

Важно также рассмотреть роль, которую играет коммуникация в контексте этих трансформаций. Сам процесс формирования публичной сферы можно определить как коммуникационный. На этом этапе существует, по крайней мере, несколько нерешенных проблем.

Плюрализм СМИ не является надежным общественным индикатором свободы, поскольку он может создавать лишь иллюзию разнообразия содержания, скрывая тот факт, что все процессы массовой коммуникации ограничены различными формами косвенного контроля со стороны государства и частных корпораций.

Таким образом, здесь возникает автономия иллюзии. Медийный плюрализм, как и любой другой, в целом не доказывает автономность, а скорее напоминает о ее статусе идеала, к которому стремятся. Само разнообразие содержания не гарантирует свободу контроля со стороны институтов. Это приводит к предположению, что государство, приравненное к контролирующим органам, в публичной сфере является совершенно излишней переменной.

В соответствии с хабермасовской концепцией роль публичной сферы осмысливается как «публичное пользование своего разума свободными и равными гражданами». Гипотетическая медиасистема, «построенная» на этой основе, будет представлять собой открытую для всех арену для обсуждения общественных проблем, свободную от государственных и рыночных манипуляций и ориентированную на достижение критического и рационального консенсуса в общественном мнении.

Хабермасовская концепция приводит к несколько измененной концептуализации, в которой центральную роль играют автономия и критичность граждан, способность формировать рационально обоснованное мнение. Новаторство, предложенное Ю. Хабермасом, можно рассматривать именно как исключительное внимание к государству и рынку. Неохабермасианство проводит еще более резкую линию автономии, только здесь автономия рассматривается не только как привилегия публичной сферы, но и как возвращение к идеалам автономии разума, характерным для Просвещения. Неохабермасовский (или, скорее, кантовский) взгляд, таким образом, противопоставляет государство не столько общественному мнению или обществу, но и автономии разума. Автономия разума здесь может пониматься

не только как свобода смело и без ограничений высказывать свое мнение на публике, но и как устойчивость к манипуляциям и воздействию пропагандистских механизмов. Можно согласиться с приравниванием государства к этим механизмам, но, тем не менее, более точным является следующее: вернее было бы занять более умеренную позицию и отличать государство как форму гражданского организма, от институтов управления. Если занять такую умеренную позицию, то публичная сфера без государства будет восприниматься как неработающая фикция.

Однако даже если допустить, что государство и институты управления тождественны контролирующим органам, то в любом случае без публичной сферы было бы трудно представить функционирование современного общества. Таким образом отпала бы необходимость в посреднике, так как некому было бы передавать сообщение, и в то же время публичная гражданская дискуссия осталась без своего главного объекта.

Заключение. Таким образом, мы можем констатировать, что противопоставление государства и гражданского общества в условиях трансформации общественного пространства не вполне оправдано. Наиболее ярко это проявляется при рассмотрении вопроса об автономии публичной сферы. В контексте полемики с Ю. Хабермасом и теоретическими идеями Х. Арендт можно сформулировать следующие положения: 1) публичная сфера не является автономной по отношению к государству; 2) публичная сфера (или типы публичной сферы) не автономны по отношению друг к другу.

Было бы ошибкой утверждать, что публичная сфера в современном обществе сохраняет полную автономию по отношению к происходящим в ней процессам. Участие в публичном разговоре невозможно без определенных материальных ресурсов и институтов, которые их распределяют, социально-экономических тенденций и политических решений. Публичная сфера не только сама по себе неизбежно является политической и недостижимой для идеала автономии, но и находится в прямой зависимости от механизмов социального контроля.

Методологический и теоретический арсенал социально-политического анализа функционирования современного общества требует введения различия между демократией и собственно политикой. Демократия рассматривается как самодостаточный критерий гражданственности, который не нуждается в государстве в принципе. Публичная сфера без государства характеризуется как некая фикция. Если принять отождествление государства и институтов контроля, то публичную сферу без государства в любом случае трудно представить. В таком случае она была бы излишней – не было бы необходимости в посреднике, поскольку некому было бы передавать сообщение, и в то же время общественная гражданская дискуссия оказалась бы без своего главного объекта. Сама публичная сфера представляет собой процесс коммуникации, в ходе которого формируется общность между различными автономными субъектами, которые в совокупности приходят к консенсусу по общественным вопросам.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Разнообразие и равенство в глобальную эпоху. М.: Логос, 2005. 350 с.
2. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
3. Арендт Х. *Vita activa*, или О соотношении частного и общего в Античности. СПб.: Алетейя, 2000. 416 с.

References

1. Benhabib, S. *Prityazaniya kul'tury. Raznoobraziye i ravenstvo v global'nyu epokhu* [The claims of culture. Diversity and equality in a global era]. Moscow, Logos Publ., 2005. 350 p. (In Russian).
2. Habermas J. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural change in the public sphere: Research on the category of bourgeois society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 344 p. (In Russian).
3. Arendt H *Vita activa, ili O sootnoshenii chastnogo i obshchego v Antichnosti* [Vita active, or On the relationship between the particular and the general in Antiquity]. St. Peterburg, Aleteya Publ., 2000. 416 p. (In Russian).

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220029, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: in_litteras@tut.by

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: in_litteras@tut.by

Поступила 13.09.2023